

Бернгардт: Константин Петрович, я присоединяюсь к мнению редактора данной книги, что Вы – человек неординарный, и потому, даже если бы Вы не были знакомы с Борисом Викторовичем Раушенбахом лично, все равно интересно было бы узнать Ваше мнение о нем. А коль скоро Вы вместе с ним работали, да еще летали на космическом корабле, к созданию которого он был причастен, то хотелось бы услышать Ваши впечатления о Борисе Викторовиче, мнение о его вкладе в деятельность КБ Королева, в развитие ракетно-космической техники. И, конечно, если Вы знакомы с другими областями его увлечений, то интересно услышать и об этом.

Феоктистов: После того, как я прочитал вашу книгу, должен сказать, что она хорошо отражает его таким, как он есть. Раушенбах так "налегке" разговаривает, шутит, часто делает довольно экстравагантные высказывания. Он похож на себя. Из вашего разговора и получается впечатление о нем. По-моему, впечатление правильное.

Если же говорить о его деятельности в КБ, то и это в какой-то степени отражено в книге. Из его ответов складывается впечатление, что он – человек мягкий, либеральный, старался не мешать своим сотрудникам работать и проявляться, не давать им чрезмерное количество указаний, предоставлять свободу в их деятельности. Так оно и есть. Для меня Раушенбах был в этом смысле образцом – он не мешал работать.

Надо сказать, что, хотя у меня был определенный круг непосредственных подчиненных, я работал практически со всеми инженерами КБ, которые могли что-то делать, принять или не принять какую-то идею, какое-то поручение. Часто приходилось обращаться напрямую не к заместителям главного конструктора и не к начальникам отделов, хотя некоторые из них были нормальные инженеры и с ними можно было нормально поговорить (даже если убедишь начальство и оно даст какое-то указание, это через некоторую ступень затухнет и неизвестно во что превратится), а к начальнику сектора, начальнику группы. А еще лучше было общаться прямо с тем человеком, который и будет заниматься этим делом – предлагать какие-то решения по схеме управления или, наоборот, принимать предлагаемые схемы работы прибора.

Практически все начальство, начиная от начальника группы – начальников отделов и уж тем более заместителей главного конструктора, – это раздражало. А Раушенбах не раздражался! Не было тут никакой проблемы. Конечно, когда приходилось принимать решение, собиралось совещание с его участием, но он в это не вмешивался: его инженер поддерживает – ну, так тому и быть. Вроде того: "Что ж тут искать! Дело очевидное..." Так что впечатление, которое проглядывает в этой книге, соответствует и его характеру, и тому, как он вел себя на работе. Я считаю, что это хорошее качество.

Бернгардт: Но с его слов получается, что все делали другие, его "молодежь", а сам он был как будто ни при чем.

Феоктистов: Трудно сказать. Понимаете, это надо, грубо говоря, сидеть рядом и смотреть, как они обмениваются мнениями: какие идеи у него рождаются во время разговора, какие идеи других инженеров он принимает, сколько процентов того и другого, сколько он генерирует, а сколько – его сотрудники. У меня было такое впечатление, что большинство идей генерировали сами инженеры. Но это трудно утверждать, потому что для этого надо было его полный рабочий день наблюдать. А ведь он работал с утра до вечера. Вот Вы говорите: складывается впечатление, что все делала молодежь. А я думаю, что он генерировал идеи. Он просто не навязывал их.

В этом смысле это было одно из самых лучших подразделений КБ – сначала группа, затем отдел, потом целый ряд отделов. Легче всех было именно с ними договориться. Даже когда они не принимали с ходу, скажем, более экономичные с точки зрения расхода топлива схемы ориентации, их удавалось убедить. В крайнем случае можно было пошуметь: "Что вы такие упертые" и так далее. В конце концов кто-нибудь из них говорил: "Да, есть элемент..." И принимали. Так что я могу говорить только о вкладе его сотрудников, его отдела в целом.

Когда мы начали разрабатывать первые корабли, стало понятно, что нам нужно решать проблемы управления и ориентации. Мы обратились к традиционным управленцам, которые работали с нашей фирмой по ракетам. И сразу, помню, было твердое ощущение, что с ними кашу не сварить. Они говорили: "Скажите, что вам нужно, а дальше – не ваша забота. Мы вам поставим готовую технику: приборы и так далее". Но мы видели, как они работали: не понимая, что корабли, космические аппараты – это не ракеты.

Наша ракета Р7, которую мы вначале использовали, или "Протон", которая использовалась для выведения орбитальных станций, – это меньше 10 минут работы, и все! Там можно было решать задачу "в лоб". Вот есть некоторое расписание: запуск двигателя (целая система команд), потом вертикальный участок, потом ракета заваливается, постепенно разгоняется. Кончается

работа первой ступени, интегратору дается сигнал – отработали, подается сигнал на выключение двигателя. Затем вторая ступень – она запущена еще с Земли, но тем не менее программа немного меняется: вторая ступень, сброс обтекателя. Простое, ясное и жесткое расписание. С другой стороны, с массой у нас всегда было туговато, поэтому надежность достигалась за счет отработки всех элементов на столе в лаборатории или на испытаниях – на вибрацию, всякие другие вещи.

А у нас-то было не 10 минут! Мы первый корабль планировали на полет, по крайней мере, в течение 10 дней. Это почти миллион секунд, а в 10 минутах их всего 600. Миллион и шестьсот – совершенно несоизмеримые вещи! Мы очень хорошо понимали, что так не годится. У нас будут сотни этапов, в которых может появиться какой-то отказ, значит каждый раз нужно иметь в запасе второй (как минимум!) выход из положения. То есть должна быть возможность отклонений туда-сюда. Надо было резервировать даже не все, что можно, а абсолютно все! Причем желательно, чтобы резервные системы были основаны на других принципах.

Было ясно, что если бы мы выдали им задание, они бы его сделали, но, скорее всего, "по одной дорожке". Ну, может быть, под нашим нажимом что-то бы зарезервировали, но... Надо было постоянно смотреть, что получается, и настаивать на том, что надо изменить. В общем, невозможно было с ними работать!

И вот мы обратились к ребятам Раушенбаха (или они к нам, я этого момента не помню), и с ними было легко договариваться. Мы ведь как работали? Еще не ясно, как мы будем заниматься ориентацией, за что хвататься, чтобы выстроить нужное направление и выдать импульс для спуска с орбиты, и мы говорили: "Это вы разбирайтесь потом, вы нам дайте ваши приборы. Сколько у вас будет приборов? Дайте их габариты: ширина, длина. Но нам сами габариты – как собаке пятая нога. Нужны лапы, крепления, какие там дырки, какие винты нам ставить, чтобы мы могли тем, кто выпускает конструкцию, предъявить габаритно-установочный чертеж, какие разъемы там будут, чтобы бортовая кабельная сеть у кабины корабля вся собиралась. Будете управляющие двигатели ставить? Какие? На сжатом азоте? Хорошо, будем на сжатом азоте..."

Помню первый разговор с Башкиным. У них нет еще никаких идей, а уже требуется габаритно-установочный чертеж: "Пожалуйста, вот кульман. Вам дается час – нарисуйте, подпишитесь и до свидания. Потом встретимся, договоримся об остальном". Так он сначала вытаращил глаза, но очень жестко был поставлен с ним разговор, и он не стал ругаться. Он тоже понял, что нам нужно. Быстро сел за кульман – нарисовал, расписался, и был решен один из деликатных вопросов.

Так же делалось по остальным вещам. Все понимали, что у нас нет времени. Американцы-то уже работали над кораблем, это известно было. Они же нормальные люди, писали об этом в газетах. А у нас выходили такие информационные книжечки – где, что появляется в мире по нашей части в открытой печати. Так что мы знали, что они работают, и хотели их обставить. Поэтому ставили совершенно невероятные сроки. Мы начали разрабатывать проект. Сформулировали свое, так сказать, кредо где-то к маю 58-го года. В августе выпустили отчет, в котором говорилось, что мы можем это сделать. Но это тоже, можно сказать, была только заявка, как мы будем делать, потому что еще не было проекта. А к концу 59-го года у нас уже был электрический макет корабля. То есть конструкция была настоящая, приборы настоящие. Они все соединялись кабелями, и можно было уже начинать проверять, работает ли эта конструкция. Работали именно так – бежали вперед, схемы выпускались позже. И со всеми этими раушенбаховскими ребятами было очень хорошо и эффективно работать.

Основная идея ориентации корабля "Восток" – это использование так называемой инфракрасной вертикали и гироорбитанта. Если вы сумели построить на борту с помощью какого-то прибора вертикаль, в данном случае инфракрасную (понадобится для этого один или два витка), то эта вертикаль в каждом месте орбиты так и будет задана. А дальше с помощью гироорбитанта мы приходим к тому, что у нас появляется трехосная ориентация, но в орбитальной системе координат: одна из осей – построенная вертикаль, другая ось – по вектору скорости, а третья – перпендикулярно первым двум. А если на борту есть система координат, значит можно сориентировать корабль в нужном направлении. Главная задача – вывести на орбиту, это понятно, но потом и спустить благополучно надо было. А для этого необходимо в нужный момент выстроить корабль так, чтобы двигатель был направлен против движения. Стоять двигателем вперед, чтобы включить и затормозиться, а затем перейти на траекторию спуска, войти в атмосферу, сесть в нужном месте. Главное – затормозиться в нужный момент времени.

Работал над этим Токарь Евгений Николаевич – разработчик "идеологии" гироорбитанта. На самом деле можно было действовать и проще, как потом разобрались, но для того времени эта

идеология позволяла решить проблему орбитальной ориентации. Работал он вместе с Борисом Викторовичем. Кто идею гироорбитанта сгенерировал, не совсем понятно. Была книжка Раушенбаха и Токаря "Управление космическими аппаратами", и она в какой-то степени говорила, что у гироорбитанта два автора.

Были и другие способы построения ориентации. Но этот – первый, который мы применили и который так и не сработал в конечном счете. Не сработал из-за того, что инфракрасная вертикаль, которую делала совершенно другая организация, регулярно выходила из строя. Потом мы разобрались, в чем дело: мы тогда не понимали, что такое трение в вакууме. Но, во всяком случае, это было глубоко проработанное решение.

Другой пример. Мы понимали, что у нас только одна система ориентации: поставишь два гироорбитанта – от этого не легче, если эта схема принципиально не будет работать. Идею резервной схемы ориентации подал Яцунский Игорь Марьянович. Он работал в НИИ-4 – здесь, под Москвой. Когда-то был в группе Тихонравова, потом Тихонравов перешел к Королеву, но связь, конечно, сохранялась. И вот он выдвинул идею солнечной ориентации, еще более элементарную. Если знать, когда и куда мы будем спускаться, надо подобрать запуск таким образом, чтобы направление на солнце в районе включения двигателя (это была зона Гвинейского залива) примерно совпало с вектором скорости (только примерно: вектор скорости – горизонтальный, а вектор направления на солнце – под небольшим углом), и просто ориентировать двигатель на солнце. Покрутились, покрутились и решили, что это действительно легко. Договорились с управленцами, по-моему – с Легостаевым. Сам-то Легостаев не очень генерировал идеи, но он их принимал. Часто у нас были трения, особенно по системе сближения, а когда мы дошли до "Союза" – вообще раздрай, но это он принял. А дальше уже вопрос техники – было представление, какие датчики нужны, какая фирма возьмется сделать датчики, которые выставят одну из осей на солнце. Для этого сначала надо солнце найти – построить систему датчиков.

Идея была чужая, но они взялись за это. Без идеи нельзя, но от идеи до воплощения – пропасть. Они плевались: уж больно элементарно, но взялись и сделали и не задержали нас – появилась резервная система ориентации. И это спасло нас вначале. Когда мы запустили первый беспилотный корабль, основная система ориентации загнута. Второй запускаем – то же самое! Но он вернулся за счет того, что у нас была резервная система. И так везде.

Так что Раушенбах давал свободу, но, я думаю, он и генерировал идеи, хотя делал это, наверное, достаточно мягко. Надо сказать, что в коллективе так и бывает. Возникает какая-то проблема, начинают искать решение. Участвуют в этом несколько активных "штыков" – два, три, четыре, пять человек. Никак не удается решить ее так, чтобы было убедительно и надежно. Начинают перебирать – один вариант, второй, третий, возвращаются к первому, переходят к четвертому, потом раз: ага, этот вариант – ничего. Вроде и нелепо выглядит, но понятно, как это сделать.

То же самое, я думаю, происходило и у управленцев. После "Востока", когда мы начали делать "Союз", стало ясно, что нужно решить вопрос управления во время работы двигателя. На "Востоке" это делали не ребята Раушенбаха. Мы нашли людей, которые занимались системами управления ракет, но мы понимали, что с фирмами, которые делали эти системы, не договоришься, с начальниками кураторов систем управления у нас – тоже. Взяли и договорились напрямую с нашими инженерами-управленцами. Они сначала помахали руками, помахали – и взялись! Сделали проект, подобрали гироскопы, которые им подходят. Но дальше нам стало ясно, что стабилизация во время работы двигателя и остальные функции ориентации – это единое целое, и все передали отделу Раушенбаха.

И с этим у них не было проблем, они не сомневались. Надо сказать, что фирма – это тысячи людей, а у них что? Полтора десятка людей (потом число постепенно увеличивалось), не было и настоящего приборного производства. Но они взялись и, я считаю, сделали лучше, чем, скажем, фирма Пилюгина.

Теперь что касается других интересов Раушенбаха. Он как-то познакомил меня с церковными деятелями. Я ни разу не был в Троице-Сергиевой лавре, он предложил съездить. Поехали целой компанией на моей машине (у него была машина, но, по-моему, он не очень-то любил на ней ездить), познакомились. Они приняли нас. Выпили, закусили. Я ему не распространялся, что у меня дед был священник. Но, конечно, мне было любопытно посмотреть, как выглядят современные священники, епископы – по чину там были разные люди. Не распространялся, потому что это было немножко стыдно – внук священника, правнук священника. Еще хуже, чем интеллигент. "Интеллигент" – ругательное слово в 30-х годах, когда

я был мальчишкой, а уж "священник"... Мои родители вообще не откровенничали на эту тему. А я вроде и не стыдился, но в то же время стыдился.

Ведь какую роль играла религия все эти 10 веков у нас в стране? В основном – как-то попреридержать массы, чтоб вразнос не шли. "Бог все видит!" и "Бог накажет!" – на многих, во всяком случае малолетних, это действовало. Да и на взрослых тоже. То есть религия играла роль стабилизирующего фактора и помогала каким-то сдерживающим началом удерживать массу людей, которые устремлены в самых разных направлениях.

С моей точки зрения, этим же занимались, уже после революции, и партийные организации, которые обеспечивали привлечение всех работающих ко всякого рода регулярным, раз в неделю, семинарам по изучению "Краткого курса" или еще чего-нибудь такого. И вся идеология, которая нам навязывалась, она ведь в сущности носила религиозный характер: "А вы верите, что мы построим коммунизм?" Ну а как только речь заводят о вере, возникает ощущение, что тебя собираются обмануть.

Так что религия и в нашей стране, и, скажем, в Западной Европе играла безусловно нужную роль, нужную и в наше время: не то чтобы народ держать в узде, но как-то дисциплинировать. Но смешно видеть среди верующих тех, кто у нас на глазах такое вытворяет!.. Нет там ни одного грана веры, я уверен, но как они крестятся, участвуют в церемониях... Ну смех, просто жуткое дело!

Тем не менее было любопытно посмотреть на священников. Оказалось – нормальные люди, там было даже интересно.

Бернгардт: У Вас священником был дед по матери или по отцу?

Феоктистов: По отцу. Бабка со стороны отца тоже из рода священников. Причем никаких документов не осталось, кроме выписки, которую отец сделал по месту рождения. Там ясно было сказано, что дед – священник. Более того, сохранились письма братьев деда, из которых видно, что прадед и прапрадед также были священниками.

Бернгардт: Для нашего общества это очень далекая история.

Феоктистов: Да, ведь ничего не сохранилось. Про братьев деда ничего нет, исчезли где-то во время гражданской войны. У деда была большая семья – 8 детей. Надо сказать, что они ни о чем таком не признавались. Когда приходилось у них бывать – на день рождения или так заедешь – они шушукаются, разговаривают, но появляюсь я, и все замолкают. На всякий случай, чтоб я не знал! За горло же не возьмешь – старушки все, старички...

Бернгардт: Так что Вам знаком весь этот страх...

Феоктистов: Да. Мне сказали, что дед священник, только когда я поступил в МВТУ. Это понятно – они заботились обо мне, чтобы не испортить жизнь. Но надо сказать, что тогда это уже перестало быть криминалом. В моих анкетах я писал, что дед священник, и на это не обращали внимания. Во время войны пошли на какой-то компромисс...

Бернгардт: Надо же было воодушевить народ.

Феоктистов: Да, ведь большинство народа, особенно в деревнях, оставались верующими. А в самом-то деле, почему раньше не договорились? Просто многие священники были принципиальные люди и не хотели со злодеями договариваться. В этом была, наверное, изначальная трудность.

Бернгардт: И многих из них просто физически уничтожили.

Феоктистов: Да.

Бернгардт: Давайте вернемся к Борису Викторовичу. Из отдельных его высказываний по поводу королёвской фирмы (например, когда он рассказывал о своем выдвижении в Академию Наук) у меня сложилось впечатление, может и не верное, что пока был жив Королев, который прикрывал его и давал ему спокойно работать, он работал. Но как только Королева не стало, он ушел. Не потому, что, как он говорит, неинтересно там стало, а из-за "броневой" атмосферы, которая там, видимо, была. Вообще там, где Олимп, всегда идет борьба локтями.

Феоктистов: Борьбы локтями в части Раушенбаха не было. Королев к нему хорошо относился, тут нет вопросов – они старые знакомые. Королев его очень хорошо знал, что называется, как облупленного. И уж тем более хорошо знал Королева Борис Викторович.

Но был такой скандальный случай. Я уехал в отпуск, вдруг звонит мой сотрудник: "Немедленно возвращайтесь, тут переворот". Я сел в машину (оставил семью там) и примчался. За ночь доехал, но – опоздал. Меня разжаловали, сняли с начальника отдела и перевели, вместе с моими проектантами, в центральный проектный отдел. Я завелся, пошел к Королеву. Он говорит: "Ну что я могу сделать, решение принято, со всеми согласовано". Я был сильно возмущен, но потом разобрался, в чем дело. Заговор был не против меня, а против Бушуева. Он был одним из замов Королева, ему подчинялся филиал нашего КБ, располагавшийся по другую

сторону железной дороги. Вот здесь (рисует) было КБ Грабина, а здесь наше КБ: гигантская территория – корпуса, заводы и так далее. КБ Грабина в последние годы занималось тем, что они делали пушки для стрельбы атомными зарядами. Совершенно дурацкое дело.

Бернгардт: Это на какое же расстояние надо выстрелить, чтобы самому уцелеть?

Феоктистов: Большие пушки делали. Наконец военные поняли, что годы идут, а толку нет. Это с одной стороны, а с другой – ходят и смотрят, как бы хапнуть это КБ. Как эта операция была проделана, я не знаю. Во всяком случае, раз! – и КБ Грабина отдали нам. Но оно по другую сторону железной дороги, переезда никакого нет. Объявили, что это наш филиал. Здесь потом были сборочные цеха пилотируемых космических аппаратов, где собирали "Востоки", "Союзы" и так далее, и автоматических космических аппаратов, запускавшихся к Луне, Венере и Марсу. Назначили начальником Бушуева. А потом – годы идут, пилотируемые и автоматические космические аппараты вроде бы делаются, но они регулярно не приносят сколько-нибудь существенных результатов, так как целевая исследовательская аппаратура, как правило, выходила из строя или оказывалась неэффективной. И мы-то в нашем КБ не очень сильные инженеры были, но все-таки понимали, что нужно отрабатывать все это тщательно, проверять, экспериментировать. Каждый прибор "мучить", трясти, проводить так называемые "климатические" испытания, ударные испытания, электрические – на помехи. Мы уже умели более или менее это делать, а у них, постановщиков приборов для целевых экспериментов, какой прибор ни поставишь, пшик и все – не работает. То есть вначале вроде начинает работать, а потом сдыхает. Нужна была промышленная база для разработок исследовательской аппаратуры. И вот родилась идея, что надо создать институт космических исследований, где бы были астрономы, исследователи планет и инженеры, которые способны что-то сделать. Начались разговоры, что, может быть, его на базе нашего филиала создадут. Но разговоры на уровне инженеров шли, у начальства я ничего не слышал ни разу.

Судя по всему, первый зам Королева Мишин донес ему, что вот начинаются такие разговоры. Стали бороться с "сепаратизмом", Бушуева сняли. Но поставишь кого-то другого – все равно будут смотреть, как волки в лес, потому что "они все по-другому, не так, как мы, ракетчики, делают". На всякий случай меня с моими людьми перевели на основную территорию, чтобы вырезать, так сказать, все эти поползновения. И назначили вместо Бушуева – Чертока. То есть Черток стал начальником у Раушенбаха. Был Бушуев начальником, директором филиала, – с ним очень легко работалось. Он о-о-очень осторожный был человек, но убедить его было можно. А Чертока назначили, чтобы он дисциплину навел. Никакой особой дисциплины он не навел, но Королев мне несколько раз говорил: "Вы недооцениваете Чертока. Я сейчас чувствую уверенность, что у нас все в порядке. Вот он навел порядок". Черток в нашем деле почти ничего не понимал – он занимался вопросами управления ракет. И потом, он же администратор был, как и все, начиная с уровня заместителя главного конструктора. Даже Борис Викторович в какой-то мере был администратором. А от администраторов, менеджеров не так-то уж много требуется инженерного опыта – осторожность в основном нужна, но в то же время часто приходится принимать решения по технике.

Конечно, это могло не очень нравиться Раушенбаху. Но, пока оставался жив Королев, ничего страшного не было. Он мог просто позвонить Королеву и сказать: "Мне мешают! Пусть прекратят". И этого было бы, наверное, достаточно. Я не знаю, обращался ли он к Королеву, но при Королеве никто не мог ему активно мешать. А когда Королев умер, появился Мишин. Очень неуравновешенный, слишком эмоциональный человек, который твердо считал (он, кстати, неплохой инженер был), что может принять в любой момент правильное решение и может диктовать.

Борис Викторович вообще не шумел, никогда. Так что внешние трения едва ли могли быть. Если Раушенбах чем-то и был ущемлен, так это тем, что появился новый начальник после Бушуева – Черток. Тем более после смерти Королева, когда легко было, как говорится, "прижать", когда Королев перестал быть защитой. Вот тогда действительно положение изменилось, и у Бориса Викторовича могло появиться желание уйти.

Бернгардт: Не могли бы Вы вспомнить какой-нибудь случай, характеризующий Бориса Викторовича с определенной стороны?

Феоктистов: У Вас в книге это очень хорошо отражено. Раушенбах, в какой-то степени, играет роль простодушного человека, но, в общем-то, примерно так все и было, как он говорит.

Бернгардт: Есть поползновения кое-что отредактировать для нового издания, например, его словечко "сволочи".

Феоктистов: Наоборот, это надо оставить! Это не очень прилично и культурно, но он же не в обществе говорит. Он говорит с Вами, причем говорит откровенно. Почему бы и нет? Когда он

общался на работе, я не слышал этого слова. Он не использовал грубые выражения, а тем более матерные. Да он и не вкладывает в слово "сволочь" такой смысл, что это – человек, которого надо ненавидеть. Я это воспринимаю так, что ему просто понадобилось какое-то слово покрепче. Матерное он не может сказать, а вот "сволочь" или там "гад" – может.

Если вы хотите узнать человека, то лучше всего "вытащить" из него характер вот в такой открытой, может быть даже глуповатой беседе, когда то и дело смеются, причем немножко даже искусственно. Это тоже много о человеке говорит. В общем, я бы ничего не стал "подчищать", но это – Ваш вопрос.

Бернгардт: Да, проблема... К тому же он пять раз употребил слово "плевал".

Феоктистов: Опять же, в обществе он не позволял себе таких вещей, а вот в откровенном разговоре проявляется как раз то, как он в действительности все воспринимал. Вы его как-то разговорили, и он был самим собой. Когда человек глупости говорит, это означает, что он – сам по себе. Должен сказать, что когда человек свободно говорит, особенно когда импровизирует, он по большей части говорит глупости. И здесь часть реплик – про кошку и прочее – глупости. Но это же самое ценное – увидеть, каков он сам по себе. И в этом смысле все очень удачно. Если кто-нибудь хочет составить представление о человеке, как раз и надо поймать его на этом.

Бернгардт: Собственно говоря, этого и хотелось. Не столь важно было, что он говорит. Важно, чтобы сложился достоверный образ.

Феоктистов: Очень хороший образ – естественного человека. Хотя, я думаю, жизнь у него была не простая. Он как-то смутно рассказывает о своей жизни во время войны, не очень четко. Я, например, знаю, что его семья жила в одной комнате с семьей Тихонравова.

Бернгардт: Да, он пишет об этом в "Постскриптуме".

Константин Петрович, я прочитал Вашу книгу "Траектория жизни". Глупостей Вы в ней не говорите, но то впечатление, которое у меня сложилось о Вас по этой книге, совпадает с впечатлением от личного общения с Вами.

Феоктистов: Когда человек сам о себе пишет, он себя рекламирует и старается не демонстрировать свою глупость. А вот когда он разговаривает, он импровизирует, проявляет себя своей реакцией, и даже глупости, которые он говорит ("сволочи", например), – это говорит о нем, что он, скажем, умеет быть раскованным. Тут я не вижу никакого противоречия.

Бернгардт: Скажите, я правильно понял – у Вас обостренное чувство справедливости? Ведь это очень редкое качество для советского человека.

Феоктистов: Почему? Все люди одинаковы, чувство справедливости у всех есть, просто некоторые очень загнаны обстоятельствами.

Книгу я писал, в основном, когда оказался без работы в 1989 году. Видно было, что деньги у меня заканчиваются – я жил за счет того, что мне выплачивали за скопившиеся неиспользованные отпуска. Писал тогда даже более подробно, чем было издано. Все это было введено в компьютер, и когда мне предложили издать книгу, я засел за это дело и за месяца полтора-два сдал рукопись. А потом понял, что поторопился. Во всяком случае, особого интереса к книге я не вижу. Другое дело, что мне звонили многие старые товарищи, которые не согласны с тем, что я занимаю резкую позицию в оценке успехов "космоса". Ну что ж, пусть они самообольщением занимаются, а я не хочу.

Бернгардт: Мне интересно было читать Вашу книгу. Она хорошо написана, и, кроме того, многие оценки, которые Вы в ней даете, соответствуют моим собственным представлениям. Например, понравилась оценка Хрущева, описание Ваших походов за линию фронта во время войны...

Феоктистов: Это – детские впечатления.

Бернгардт: По моим представлениям, они отражают реальность.

Феоктистов: Это мальчишеское восприятие. Вот я недавно прочитал одну книгу о первых днях и месяцах войны и до 43-го года. Страшные вещи: сотни тысяч людей погибали в чудовищной обстановке, загнанные в совершенно невыносимые обстоятельства. Вот этого-то я не понимал тогда. А когда писал, то мне об этом говорить просто неприлично было – я же не прошел через это...

У меня старший брат пропал без вести. Он был выпущен лейтенантом артиллерии где-то 10-го и-ю-ня, и мы получили от него открытку с дороги. Его направили в Западный военный округ. Другой брат, по матери, был водителем военного грузовика. Я его долго разыскивал, когда приезжал на каникулы, выяснял, кто, где и когда его видел. Последний раз его видели на Курской дуге. Тоже пропал без вести. Они погибли в страшных обстоятельствах.

Много лет я слышать спокойно не мог немецкий язык. А потом постепенно дошло, что первая жертва этой войны – сам немецкий народ. Гитлер, конечно, был сумасшедший, как в

какой-то степени является сумасшедшим всякий диктатор – и Сталин, и Ленин. Но причем здесь немцы? Это было всеобщее сумасшествие. Люди, которые тогда принимали решения, особенно в первую мировую войну, были просто идиоты!

Теперь я давно уже возмущаюсь каждый раз, когда начинаются эти вопли насчет праздников победы. Парад! Это же идиотизм, это находится в противоречии с элементарной честностью. Кто хочет – пусть отметят, встретятся, выпьют за столом, это их дело. А государственных праздников по этому поводу не должно быть.

Вот недавно ряд татарских деятелей обратились, что не надо праздновать, отмечать годовщину Куликовской битвы. Я бы сказал, что в какой-то степени правильно написали. Не надо делать из этого государственного праздника, тем более, что значительная часть населения у нас – это мусульмане, потомки татар, монголов. И большинство наших народов живет здесь не меньше, чем русские. Это ж видно из летописей: приходят славяне, а тут уже финны живут, мордва и так далее.

А тут начинаются какие-то мероприятия, парады. Молебны в церкви – с этим, конечно, ничего не поделаешь, но я бы на их месте тоже не очень-то акцентировал внимание по этому поводу. Неприлично это. Можно подумать, что у нас больше нет никаких проблем.

Бернгардт: А первую встречу с Раушенбахом Вы, наверное, просто не помните?

Феокистов: Не помню. Наверняка была встреча, когда мы договорились в принципе, но как-то она растворилась. Тогда такое было, Вы даже себе не представляете...

Бернгардт: Много дел, много встреч?

Феокистов: Мы набирали себе кооперацию – по катапультируемым креслам, по насосам, по производству кислорода на орбите, по парашютным системам. Это были десятки людей. Радистов, например, не один, а четыре или пять, там же несколько радиосистем. С каждым надо было познакомиться, договориться (не официально!). Наверняка была с ним встреча – уж больно легко все дальше катилось: открылись ворота, и всё, пошли. Но я не могу этого вспомнить, как и большинство встреч с другими людьми.

Бернгардт: Константин Петрович, а как Вы относитесь к высказываниям Раушенбаха, что демонстрацией космической программы Советский Союз ушел от третьей мировой войны? После запуска первого спутника американцы, мол, поняли, что наши ракеты могут "накрыть" Америку...

Феокистов: Может, это и сыграло роль некоего холодного душа. Чисто психологически. Ведь, честно сказать, политические решения принимаются совершенно без серьезного анализа. Американцы даже не знали, что у нас по пальцам можно было насчитать этих ракет. С помощью нескольких ракет выиграть в такой войне было невозможно. Они-то могли на самолетах доставить сколько угодно бомб, которых у них и было больше. Первые сообщения о межконтинентальной ракете, насколько я помню, появились где-то 25 августа 1957 года. Мы были довольны, что это открыто опубликовали, это было такое немножко "охлаждающее" достижение. А уж потом, когда полетел первый спутник, совершенно дурацкий второй спутник, потом корабли начали регулярно летать – у страха глаза велики!.. Они не очень хорошо представляли, где делают ракеты и сколько их делают. Привыкли, что все у нас в нескольких местах параллельно начинает делаться. Наверняка, они слышали, что уже где-то в 49-м году появился филиал КБ Королева на Урале. Причем тогда шли разговоры, что будут строить грандиозный подземный завод – аналог Нордхаузена, подземного завода у немцев по производству ФАУ-2. Так что, поскольку агентура у американцев в то время была, наверное, слабая, они могли думать, что мы уже наделали кучу ракет и, что поразительно, – летают ракеты! Не то что ФАУ-2 – через раз "за бугор", а раз за разом летают, это было видно. Какое-то охлаждающее влияние это могло оказать. Ну, а по делу – я сомневаюсь, что американцы пошли бы на такое злодейство.

Бернгардт: Но Борис Викторович, как я понял, был искренне уверен, что американцы собирались развязать войну, и только когда мы продемонстрировали, что можем нанести хотя бы один удар по территории США, они изменили свое решение. Войну бы мы таким образом выиграть не смогли, но на американского избирателя повлияли бы.

Феокистов: Трудно сказать. Я как-то не люблю серьезные размышления на эту тему. Вот воспоминания Сахарова: он не стыдится, что участвовал в разработке термоядерной бомбы. Вроде того, что мы у-рав-но-ве-силы это дело. Я с этим совершенно не согласен. Считаю, что в том состоянии опасности, в котором находится наша жизнь на Земле, особенно где-то с конца 60-х годов, в значительной степени виноваты ученые. Не надо бежать впереди времени ради званий, комфортных условий, денег, которые платят, не считая. Любопытство, вроде детского, честолюбие – да, но надо и оглядываться по сторонам, к чему это приведет. Я бы сказал так: в

60-70-е годы человечество выскочило на край пропасти, и, прямо скажем, мы могли запросто сорваться. Мы еще продолжаем оставаться на этом краю, и вина за это – не только на тех, которые командовали и отдавали приказы, но и на тех, кто выполнял эти приказы. Сахаров, конечно, для меня уважаемый человек. Но я считаю, что его вина побольше, чем вина идиотов, которые отдавали приказы. Потому что без него-то они бы ничего не сделали. Так что здесь развитие физики и технических достижений явно опережает уровень общественного сознания.

Я хочу подчеркнуть: немецкие ученые не стали работать над атомной бомбой! При Гитлере, во время войны, не стали. Саботировали это дело, такое у меня сложилось впечатление. А наши не саботировали, изо всех сил работали. И если, скажем, атомную бомбу сделали за счет кражи в какой-то степени, то термоядерную-то бомбу – без всяких краж. Но гордиться здесь нечем. На самом деле все гораздо хуже, с точки зрения опасности, чем можно себе представить. И ответственность за это несут – даже не в значительной степени, а главным образом – люди, которые делают дело, опасное дело, и не понимают, что оставляют-то это дело в руках всяких недоносков. Неизвестно, кто им в конце концов будет пользоваться. Вот так.

Бернгардт: Совершенно с Вами согласен. Есть высказывание одной из цариц: "Мощь разума – без культуры сердца – ведет к гибели".

Феоктистов: Сердце не сердце, а здравый смысл должен быть...

Возвращаясь к Борису Викторовичу: в Вашей книге это, может быть, явно не прозвучало, но он легко ко всему относился и плыл по течению. Относился с каким-то, я бы сказал, избытком юмора. Именно поэтому в книге то и дело читаешь: "Он засмеялся". Он и в жизни так смеялся. Он с самого начала, в 30-х годах составил себе представление о мире – нелепом, несправедливом и одновременно кроваво-страшном. Все прекрасно понимал, но относился к этому легко. Вернее, он видел, что спасение в том, чтобы относиться ко всему легко. Это его и спасло.

Бернгардт: У меня сложилось такое же представление. Если бы он сидел не в Тагиллаге, а, скажем, в Бухенвальде, он, наверное, с таким же юмором и про Бухенвальд рассказывал.

Феоктистов: Я думаю, что там что-то было похожее на нас, но гораздо более жестче. На самом деле все-таки жестче. Вернее, так по описанию, я же не знаю наверняка. Но по описанию это выглядит так. Тем более сейчас, когда раскручивается компания по компенсации тем, кто там был в лагерях и на заводах, что достаточно нелепо. Это же просто идет вымогательство у Германии!

Бернгардт: Константин Петрович, в нашем Российско-Немецком доме на Малой Пироговской постоянно проводятся встречи с интересными людьми. Вы вообще встречаетесь с публикой?

Феоктистов: Всячески уклоняюсь.

Бернгардт: Жаль, мы хотели бы организовать встречу с Вами.

Феоктистов: От встречи с Вами я не уклонился, потому что у меня совесть не чиста: на похороны Бориса Викторовича не поехал... По той же самой причине – всячески избегаю общественных мероприятий. На 12 апреля никуда не хожу, на разные заседания и прочее. Это, я бы сказал, естественная защита. Я не был на похоронах – это нехорошо, неприлично с моей стороны. Но это не единственный случай, грех такой за мной водится.

Бернгардт: Теперь, наверное, можно считать, что этот грех, в отношении Раушенбаха, Вы сняли со своей души. Спасибо за интервью.